

ХАРЬКОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

№ 7.

СУББОТА, ФЕВРАЛЯ 15 ДНЯ,

1858 ГОДА.

В. Х. НАТОРЦЪ.

Биографико-педагогическій очеркъ (*).

(Посвящается А. В. Жерлицыну.)

Нѣтъ сомнѣнія, что монографическій способъ изслѣдованія явленій, отсюда выступающихъ передъ общее сознаніе, съ боль-

(*) Этотъ краткій очеркъ извлеченъ нами изъ нѣмецкаго журнала — *Gallerie achtungswerther Paedagogen und verdienter Schulmaenner Deutschlands und des Auslandes für Lehrer, Erzieher, Eltern und andere Freunde des Erziehungs- und Unterrichtswesens, herausgegeben von Dr. K. G. Hergang. Zweite Lieferung — Bautzen, 1848.* — Полагая, что такіа

шимъ или меньшимъ успѣхомъ примѣняется и къ наукѣ воспитанія во всей ея многосторонности. Здѣсь какая нибудь отличная отъ другихъ личность, тщательно объясненная, какое нибудь отдѣльное событіе, тонко разобранное, нерѣдко даетъ изслѣдователю возможность дѣлать очень важныя соображенія и выводы. Такъ, мы знаемъ, что знаменитое страсбургское училище процвѣтало, въ исходѣ XVI ст., подъ управленіемъ Іоганна Штурма, и вмѣстѣ съ этимъ поразительно-вѣрно выражало собою господствующее начало бездуховности тогдашняго схоластико-педантическаго образованія. Конечно, пре-

статки представляютъ несомнѣнную пользу, мы рѣшились ознакомить читателей съ цѣлымъ рядомъ историко-педагогическихъ личностей, собою опредѣлявшихъ различное направленіе учебно-воспитательной дѣятельности. — *Прим. авт.*

обладающій духъ и всѣ частныя проявленія, которыми ярко обрисовывалась та смутная пора, не могли не обнаружить сильнаго вліянія на грустное, ненормальное, искусственное течение всѣхъ частей цѣлаго строя обученія. Но этого еще недостаточно. Узнавъ характеръ самого Штурма, преимущественно какъ наставника, легко убѣдиться въ томъ, что цѣль его педагогической дѣятельности несовмѣстна съ логическими требованіями воспитанія и что она, слѣдовательно, формально-необразовательна и ложна. Да и въ самомъ дѣлѣ, разумно-ли отстаивать и даже навязывать ученикамъ исключительную страсть къ безмысленному компилированному кропанію и говоренію на латинскомъ языкѣ? А между тѣмъ непроходимо-погрѣшительное поклоненіе мертвой буквѣ нѣсколько вѣковъ и съ возмутительнымъ постоянствомъ держалось почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ. И такъ, не безсознательно слѣдуя лучшему вѣрованію и предпочитая болѣе интересныя особенности, мы представляемъ нашимъ читателямъ не растянутое характерное изображение доктора Бернгарда Храстіана Наторпа,—этого замѣчательнаго дѣятеля въ исторіи педагогіи.

Этотъ рѣдкій человекъ, справедливо прославившій Песторомъ между воспитателями новѣйшаго времени, достойно и безукоризненно совершилъ свое 72 хъ лѣтнее земное поприще. Послѣ благодатныхъ и непрерывныхъ трудовъ, которые раздвинулись до широкихъ размѣровъ въ послѣдніе 30 лѣтъ его жизни, онъ умеръ отъ апоплексическаго удара, 8 февраля 1846 года. Имѣя значительный запасъ познаній и глубокаго практическаго смысла, онъ долго отправлялъ почетную должность *верховнаго консисторіальнаго советника* (Oberconsistorialrath) въ Мюнстерѣ. Наторпъ пріобрѣлъ себѣ блестящую извѣстность не только въ сферѣ богословія и церковнаго краснорѣчія, но и какъ передовой подвижникъ, неутомительно старавшійся изобрѣтать энергическія мѣры противъ недо-

статковъ и вопіющихъ несообразностей общественнаго воспитанія и обученія. Онъ оказалъ величайшія заслуги относительно улучшенія положенія учителей и ихъ послѣдовательнаго приготовленія къ служенію педагогіи. Мы уже не говоримъ о тѣхъ неистощимыхъ средствахъ, надъ которыми онъ весьма рѣдко терялъ надежду возобладать, и которыя прямо клонились къ улучшенію школъ. Наторпъ, усвоивъ свѣтлый взглядъ на воспитательно-учебную сторону народа, горячо преслѣдовалъ плодотворную мысль о необходимости сообщать преподаванію правильное и ровное развитіе. Все сказанное довольно-отчетливо видно изъ послѣдующихъ данныхъ о немъ и въ особенности изъ его же собственныхъ сочиненій, церковныхъ и педагогическихъ. Однако, прежде нежели коснуться этихъ письменныхъ произведеній, не излишне войдти въ нѣкоторую характеристику нашего образователя дѣтей и взрослыхъ. На этотъ разъ нужно сохранить его главныя черты, правдиво и незатѣйливо собранныя въ описаніи достопочтеннаго епископа Эйлерта (*).

Кто лично зналъ Наторпа или знакомъ съ нимъ лишь по его аскетическимъ и педагогическимъ сочиненіямъ, по его возвышеннымъ стремленіямъ и полезнымъ дѣламъ, тому не могла не быть опутительною его кончина. Правда, подобныя утраты невозвратимы, хотя нѣтъ производительнаго подвига, который встрѣблялся бы безслѣдно.

По окончаніи академическаго богословскаго ученія въ Галле (отъ 1790—94) подъ руководствомъ извѣстнѣйшихъ преподавателей, Наторпъ первоначально слѣжался простымъ сельскимъ проповѣдникомъ, потомъ онъ занялъ мѣсто приходскаго священника въ Эссенѣ, гдѣ вскорѣ обратилъ на себя осо-

(*) Эйлертъ, старый пріятель Наторпа, помѣстилъ его жизнеописаніе въ прекрасномъ періодическомъ изданіи Отто Шульца «Schulblatte für die Provinz Brandenburg» II. Jahrgangs 2-tem Hefte:

бленное вниманіе отечественной публики. Его проповѣди проникались невозмутимымъ свѣтомъ истины и согрѣвались неподдѣльною теплотою чувства; нося на себѣ неизгладимый отпечатокъ неизысканности, свѣжести, и народности, онѣ были самостоятельны, могучи, и сѣмена, ими посѣянные, не упали на каменную землю. Такимъ образомъ, онѣ быстро взошелъ на степень превосходнаго проповѣдника, способнаго то горькимъ, то успокоительнымъ словомъ своимъ трогательно потрясать слушателей. Впечатлительность библейской высоты его пастырской рѣчи отразилась повсемѣстно. Дальновидный и гуманный оберъ-президентъ Штейнъ, впоследствии бывшій министромъ, отличилъ, полюбилъ и сталъ охотно покровительствовать молодому священнику. И напрасно, его четвероевангеліе, богословски изъясненное, рѣзко выставляется основательностію сужденій, непринужденностію чувствованій и общепользовностію.

Замѣчательно, что Наторпъ наиболѣе хлопоталъ о приведеніи городскихъ и сельскихъ школъ въ несравненно лучшее и независимое состояніе. Не мѣшаетъ прибавить, что всѣ его предпріятія этого рода возникали въ слѣдствіе какого-то непостижимаго внутренняго призванія и по большей части осуществлялись обсудательно и безотлагательно. Въ 1810 году онъ былъ наименованъ, по предложенію оберъ-президента Бинке, сочленомъ королевскаго правленія (die Koenigl. Regierung zu Potsdam) въ Потсдамѣ, принявъ на себя и званіе верховнаго консисторіальнаго совѣтника при духовно и свѣтско-училищной депутаци (die Kirchen- und Schuldeputation). Подъ зоркимъ наблюденіемъ опытнѣшаго оберъ-президента Бассевица и подъ высшимъ вѣдѣніемъ послѣдне-бывшаго министромъ финансовъ Маассена, Наторпъ дѣйствовалъ бодро, неустанно и производительно, такъ что онъ не замедлилъ громко прославиться и увѣковѣчить свое гомерически-величавое имя. Можно утверждать, безъ малѣйшаго преувѣ-

личенія, что онъ внесъ и распространилъ новый созидательный элементъ въ гражданскихъ и областныхъ школахъ прусскаго курмарка. Сильнѣе же всего его гармоническая душа чувствовала потребность осмысленнаго обученія пѣнію. Когда пало чужеземное владычество въ странѣ, онъ послѣдовалъ за своимъ другомъ и добродетельнымъ Бинке въ Мюнстеръ, и тамъ началъ проповѣдывать въ одномъ скромномъ протестантскомъ приходѣ. Скоро онъ былъ назначенъ совѣтникомъ тамошняго королевскаго правленія, и черезъ немного времени удостоился быть помощникомъ, т. е. вице-генерал-суперинтендентомъ епископа Рона. Въ Вестфалии, его отечествѣ, гдѣ находится пресвитеріально-синодальное учрежденіе, свободнѣе и существеннѣе проявлялась проникательность его ума. Короче сказать, въ своей средѣ дѣйствія онъ видимо приумножалъ спасительные задатки народнаго счастья. Онъ былъ словомъ и дѣломъ назидательный пастырь, заглядывавшій въ сокровенные изгибы сердца человѣческаго, и потому неудивительно, если каждый разъ видѣлъ онъ передъ собою многочисленное стеченіе людей, набожно и сочувственно внимавшихъ его жизненнымъ поученіямъ. Чистое и безгрѣховное настроеніе духа предстоящихъ и торжество конечное, подобно имъ самимъ, надъ грубыми стихіями, подавляющими наше первобытное бытіе:—вотъ тѣ утѣшительные пути, которые открывались избранныкамъ кафедральнаго суда и приговоровъ, исходящихъ изъ устъ Наторпа. Не смотря на то, что всѣ мѣстные проповѣдники были въ его ближайшемъ распоряженіи, онъ постоянно пользовался ихъ уваженіемъ и любовію, потому что далеко превосходилъ ихъ своимъ благодушіемъ и полнотою своего нравственно-умственнаго совершенства. Наконецъ, онъ никогда не взималъ правила обходиться съ своими подчиненными, какъ съ себѣ равными, и не обвинялъ считалъ себя ихъ сердечнымъ и безпритязательнымъ сорудникомъ.

Самородныя качества Наторпа, ставившія его необыкновенно высоко, составляли открытая ясность, благородная простота, ничѣмъ неомраченная природа, безвредная и неподкупная сердечность. Немудрено, что, надѣленный счастливыми дарами, онъ привлекъ къ себѣ надежное сочувствіе своихъ земляковъ. Основательный и просвѣщенный въ богословскихъ своихъ воззрѣніяхъ, съ года-на-годъ онъ глубже созрѣвалъ и крѣпнулъ въ истинномъ христіанствѣ, упорно сопротивляясь губительной празности и изувѣрному вольнодумству. Клевета, осужденіе и полозрительность были недоступны его небесной душѣ; она отвергала все, кромѣ общенія съ Богомъ и правосудія. Въ его ученіи и образѣ жизни осязательно воплощались основныя идеи св. Писанія: мы не начальники вашей вѣры, но сопричастные хранители вашей радости; одинъ Іисусъ Христосъ есть нераздѣльный нашъ учитель, Божественною скорбію своею о всѣхъ насъ научившій насъ страдать и прощать. Великая идея христіанскаго единенія и ея преуспѣяніе всегда и вездѣ сопровождали нашего педагога. Всѣ его убѣжденія и поступки собою воспроизводили правду и добродѣтель, и онъ совершенно не технически дышалъ ихъ здоровымъ и живительнымъ воздухомъ.

Наторпъ былъ столь достойный человекъ, что каждый на перерывѣ поддавался его обаятельному вліянію и спѣшилъ заискать его расположеніе и довѣріе. Король Фридрихъ Вильгельмъ III неоднократно и съ наслажденіемъ вѣлъ съ нимъ бесѣду, пристально вслушиваясь въ его разсужденія о разныхъ вещахъ. Однажды онъ увидѣлъ короля на арестолѣ и яркими красками изобразилъ его монаршее величіе, засвидѣтельствовавъ интимныя движенія своей въ нему привязанности. Его взоръ былъ ясенъ и смѣлъ, какъ юноши, безгранично любимаго народоправителемъ.

На сколько интересовался Наторпъ вопросомъ о школахъ и ея преподаваніи вообще,

достаточно доказываютъ его сочиненія чисто-педагогическаго содержанія, которыя разновременно появлялись въ свѣтъ, хотя его писательскій талантъ обозначился насущными слѣдами и на поприщѣ богословія.

Уже среди многотруднаго прохожденія проповѣднической профессіи въ Эссенѣ (въ Вестфалии), онъ сталъ постепенно предаваться педагогическому писательству. Такъ, онъ произвелъ и обнародовалъ слѣдующіе труды:

1.) Die kleine Bibel Alten und Neuen Testaments. 2 Theile. Essen, 1802: Второе исправленное изданіе вышло тамъ-же 1823 съ иллюминированною картою Іудейскаго царства. Эта библия встрѣтила всеобщее одобреніе. Наторпъ снабдилъ ее отдѣльнымъ разсужденіемъ «О цѣли и направленіи сего сокращенія библии.»

Въ томъ же 1802 году онъ издалъ:

2.) Kleine Schulbibliothek, или систематическое изложеніе выбранныхъ письменныхъ произведеній для учителей первоначальныхъ и мѣщанскихъ школъ съ присоединеніемъ критическихъ объясненій.—Первое изданіе этого сочиненія было разобрано на-расхватъ. Книгопродавцамъ не удалось достать ни одного экземпляра, а близъ-лежація провинціи только по наслышкѣ знали о вновь изданномъ трудѣ популярнаго автора. Въ 1825 году появилось въ печати пятое изданіе этого курса словесности, котораго значеніе теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, съ литературной точки зрѣнія совершенно несостоятельно. Въ смыслѣ продолженія Наторповой школьной библиотеки можетъ быть разсматриваемо руководство Герганга «Handbuch der pädagogischen Literatur» 1840.

Находя неудовлетворительнымъ состояніе туземнаго обученія, особенно вкоренившагося въ городахъ, Наторпъ поставилъ себѣ задачею отчасти перестроить его черезъ обнародованіе сочиненія:

3) Grundriss zur Organisation allgemeiner Stadtschulen. Duisb. und Essen, 1804.

Онъ первый ознакомилъ нѣмецкихъ уча-

телей съ Белль-Ланкастерскою методою обученія, хотя впрочемъ посредствомъ двухъ сочиненій:

4) Ein einzigen Schullehrer unter 1000 Kindern in der Schule von J. Lancaster, aus dem Engl. 1808.

5) Andreas Bell und Joseph Lancaster.—Замѣчанія о введенныхъ ими способъ и ходъ школьнаго ученія и дисциплинѣ. Essen und Duisb, 1817.

Почти всѣ отечественные учителя донынѣ руководствуются примѣчательнымъ трудомъ Наторпа, сохраняющимъ современный интересъ:

6) Briefwechsel einiger Schullehrer und Schulfreunde. 3 Baendchen. Duisb. und Essen, 1811—16. 2-te Auflage des ersten Baendchen.

Здѣсь въ упрощенной и разнообразной формѣ дружеской переписки между учителями, инспекторами и всѣми тѣми, кто понимаетъ и раздѣляетъ интересы школы, разрѣшаются важнѣйшіе предметы и задачи касательно системы народнаго воспитанія и придумываются различныя мѣры, предупредительныя и исправительныя.

Къ этому изданію онъ присоединилъ объемистое и исполненное содержанія сочиненьице «Ueber Rinks Praeludien. (Essen, 1804). Оно содержитъ въ себѣ отрывочное обозрѣніе одного отдѣла изъ «Переписки», которое, однакожъ, естественно, симпатично и религіозно. Сообща съ Ринкомъ и Кецлеромъ онъ обработалъ «Choral für evangelische Kirchen», который также былъ напечатанъ Бедкеромъ.

Впоследствии (въ 1817 г.) Наторпъ напечаталъ въ одномъ особенномъ сочиненіи «Gesang in den Kirchen der Protestanten» новое драгоценное дополнение къ своимъ «Beitraegen zur Beredelung unser haesuslichen und kirchlichen Andachten».

Кромѣ того, онъ заботился о цѣлесообразномъ преподаваніи и практическихъ упражненіяхъ въ искусствѣ хорошаго пѣнія въ народныхъ школахъ помощію двухъ слѣдующихъ сочиненій:

7) Anleitung zur Unterweisung im Singen für Lehrer in Volksschulen Erstér Coursus—fünfte Aufl. 1837. Zweiter Coursus, zweite Aufl. 1834.

Наторпъ, какъ мыслящій представитель современной педагогика, хотѣлъ во что бы то ни стало доставить учителямъ рациональный и точно опредѣленный курсъ обученія пѣнію, изложенный удобопонятно и воззрительно. При этомъ, онъ не преминулъ принять въ основаніе теорію уроковъ въ пѣніи, принадлежащую Песталоцци, и силится такъ приспособить ее на практикѣ, чтобы учителя этого искусства не пренебрегали имъ, но извлекали изъ него возможную образовательность. Для легчайшаго опредѣленія тоновъ въ ихъ безчисленныхъ измѣненіяхъ онъ наглядно сопоставилъ нотное письмо съ цифирными обозначеніями нотъ. Въ заключеніи своего руководства онъ приложилъ полную музыкальную азбуку для дѣтей подъ названіемъ:

8) Lehrbüchlein der Singkunst für die Jugend in Volksschulen. 2 Curse. S. Allg. Schul=Zig Jahrg. 1834.

Еще нѣсколько бѣглыхъ словъ о нашемъ педагогѣ, возбудившемъ о себѣ столько отрядныхъ воспоминаній.

Мы уже замѣтили, что Наторпъ на первыхъ порахъ былъ эссенскимъ священникомъ. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ былъ учителемъ въ эберфельдскомъ торговомъ институтѣ. Третьяго августа 1796 года онъ былъ переведенъ священникомъ же въ лютеранскую гюкесвагенскую общину; съ 1809 по 1809 проживалъ въ Эссенѣ, откуда его вызвали въ Потсдамъ для занятія должности верховнаго консисторіальнаго совѣтника. Въ 1836 г. Наторпъ попалъ въ епископскіе помощники и, спустя 6 лѣтъ, украсился орденномъ Краснаго Орла 2-й степени съ дубовыми листьями.

Онъ родился въ Верденѣ на Рурѣ, 12 ноября 1774 г.

Надолго запечатлѣлось въ людской памяти все то, что школа и церкви принесли Наторпъ!

Если неотрицаемо мнѣніе Арнталя «что изъ всякаго зерна образованія, благонамѣренно брошеннаго внутрь народа, непремѣнно произрастетъ древо жизни», то Наторпъ, при его душеполезной и строго-условной дѣятельности, для такого древа жизни приготовилъ добрую почву.—Желательно бы было, чтобы этотъ набросокъ, въ которомъ, впрочемъ, мы избѣгали избитой колеи поверхностныхъ біографій, послужилъ поводомъ къ подробнѣйшей критической оцѣнкѣ Наторпа, столь удивительнаго аскета-воспитателя. Нѣтъ спору, что тутъ существенный приемъ свѣдущаго и ловкаго разбирателя не ограничился бы сухимъ перечнемъ его письменныхъ трудовъ, независимо отъ послѣдствій, порожденныхъ ими для прусскаго общества. Обобщить всѣ матеріалы, до насъ дошедшіе, осторожно очистить и сличивъ ихъ между собою; придать имъ свойственные колоритъ и единство плана и сравнительно показать дѣйствительное историческое достоинство Наторпа:—таковы нужныя пополненія, въ которыхъ не слѣдовало бы отказать этой статейкѣ, въ видѣ опыта напросившейся на гласность. Что касается собственно до насъ, то, за немнѣніемъ свѣдѣній, пока еще мы не можемъ обратиться къ обстоятельному разбору состоянія общественнаго образованія въ Пруссіи, классической странѣ немногихъ славныхъ дѣятелей педагогики, въ томъ числѣ и Наторпа, какъ старѣйшаго и, по своимъ направленіямъ, болѣе солиднаго между ними.

Мих. Митровичъ.

Харьковъ.

12 Февраля 1858 г.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О БЕНЕФИСѢ Г. РЫБАКОВА, 2 ФЕВРАЛЯ.

Слѣдуя извѣстному приему театральныхъ

рецензій, прежде всего скажемъ, что для бенефиса г. Рыбакова были выбраны пьесы: *Гамлетъ, принцъ датскій*, драма Шекспира, и *Чего на свѣтъ не бываетъ, или что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ*, водевилъ въ 1 дѣйствіи. Последніе часы подъ шумокъ звонко-умирающей масляницы и представленіе *Гамлета*—вотъ какія поразительныя несообразности иногда, даже часто могутъ и дѣйствительно совпадаютъ, хотя и не вездѣ. Волюндо-же нѣкоторымъ поддерживать мнѣніе Гёте, который говоритъ, что сцена есть нравственное учрежденіе. Эта мысль, сколько можно замѣтить, такъ отвлеченна, что она не прививается ко всякому времени и мѣсту. Какъ бы-то ни было, къ утѣшенію публики, дѣло шло недурно, только не стройно, чему причиной вовсе не карнавалъ, какъ увидите ниже.

Глубоко-прочувствованнымъ исполненіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ бенефициантъ вызывалъ въ себѣ сочувствіе большинства публики. Не беремся судить, на сколько современно или не современно исполняется г. Рыбаковымъ роль *Гамлета*, тѣмъ болѣе, что это вопросъ нефельетонный,—замѣтимъ только, что мы не имѣемъ права обвинять нашего артиста въ устарѣломъ пониманіи Шекспирова созданія, по слѣдующимъ причинамъ. Не театральнй героизмъ, а величаво-грустная простота развивалась въ сценахъ принца датскаго съ Офеліей, съ Розенкранцемъ и Гилденштерномъ. Монологъ «Быть или не быть» переданъ былъ спокойно, въ неподготовленномъ раздумьи; въ сценѣ съ матерью г. Рыбаковъ увлекался и давалъ просторъ голосу; но вѣдь въ подобныхъ необыденныхъ случаяхъ уста глаголятъ отъ избытка сердца. По нашему мнѣнію, котораго мы никому не навязываемъ, это горько-выстраданное увлеченіе было совершенно умѣстно и естественно. Трудно-выполнимая сцена, слѣдующая за появленіемъ тѣни отца Гамлета, если не строго судить, прошла удовлетворительно. Утѣшительнѣе всего то, что